

НЭМАН

6/2017

ИЮНЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

Александр ВОЛКОВИЧ. Споровская волчица. <i>Повесть</i>	3
Никола ШАБОВИЧ. Сладостный хмель. <i>Стихи</i> . Перевод с белорусского	
Т. Лейко, В. Поликаниной	24
Станислав ПОДЛИПСКИЙ. Как стать великим художником. <i>Рассказ</i>	29
Валерий МАКСИМОВИЧ. Симфония вечной любви. <i>Стихи</i>	49
Александр НОВИКОВ. «Я вернусь в этот мир...» <i>Биографическая повесть</i>	53
Татьяна МУШИНСКАЯ. Вена пахнет кофе свежим... <i>Стихи</i>	75
<u>«Всемирная литература» в «Нёмане»</u>	
Джон Диксон КАРР. Два рассказа. Перевод с английского В. Чудова	78
Зинаида КРАСНЕВСКАЯ. Пантеон женских сердец. Барбара Пим	100
<i>Творческая лаборатория</i>	
Ольга ЛИДЕНКОВА. Особенности рецепции современной исторической прозы Великобритании и Беларуси	110
<u>Документы. Записки. Воспоминания</u>	
Эмануил ИОФФЕ. Его называют вторым Эйнштейном	122
<u>Личность</u>	
Анатолий РЕЗАНОВИЧ. Из настоящего — в будущее	131
<u>Культурный мир</u>	
Романтическая легенда нашей истории. Предисловие, перевод писем, комментарии Е. Чижевской, С. Немогай	136
<u>Литературное обозрение</u>	
<i>Искусство суждения</i>	
Иван ШТЕЙНЕР. Откуле же тогда мудрость приходит	151
<i>С точки зрения рецензента</i>	
Алесь МАРТИНОВИЧ. Древнее как новое	163
Ольга НИКОЛЬСКАЯ. Энциклопедия для всей семьи	166
Тимофей ЛЮКУМОВИЧ. Автографы — живая память	171
<u>Напоследок</u>	
<i>Литературное содружество</i>	
Уроки поэтической дружбы. <i>Интервью с Лилией Ананич</i> . Беседовал К. Ладутько	173
<i>Коллекция</i>	
Валерий ГРИШКОВЕЦ. Опереться на книжную полку	178
<i>Имена</i>	
Михаил СТРЕЛЕЦ. Мастер археологических исследований	187
<u>Авторы номера</u>	192

Джон Диксон КАРР

Два рассказа

От переводчика

Джон Диксон Карр (англ. John Dickson Carr) (1906—1977) — широко известный и популярный писатель в жанре классического направления детектива. Публиковался также под псевдонимом «Картер Диксон». Он жил и писал как в Америке, так и в Англии, поэтому его иногда называют «англо-американским писателем». Один из лучших представителей «золотого века детектива». Известна даже крылатая фраза, введенная литературоведами: «В царстве детективов, где королевой признана Агата Кристи, премьер-министром, пожалуй, можно считать Джона Диксона Карра».

Джон Диксон Карр считается самым крупным специалистом в истории детектива по «невероятным убийствам» и по «убийствам в закрытой комнате», как называли их критики.

След ноги в небе

Она, наконец, высвободилась из своих путаных сновидений. Еще некоторое время лежала, уставившись в белый потолок спальни, прежде чем смогла убедить себя, что это был вовсе не сон.

И тем не менее, это был сон.

Чистый, хрустальный солнечный свет лился через открытое окно. Холодный, хрупкий воздух надувал занавески, шевелил легкий слой снега на подоконнике. Это шевеление вносило оживление в ее маленькую пустую комнатку. Оно должно было восстановить кровообращение. И Дороти Брант глубоко вдохнула морозный воздух.

Все в порядке. Она находилась в деревенском коттедже, куда с папой приехала покататься на коньках по замерзшему озеру. А возможно, и на лыжах, если выпадет достаточно снега, как было обещано по прогнозу погоды. И снег выпал. Она должна бы радоваться этому, но сейчас даже вид его на подоконнике вселял ей ужас.

Дрожа в теплой постели, девушка взглянула на маленькие часики, лежащие рядом. Она проспала! Папа и Гарри, должно быть, ждут ее на завтрак. Дороти снова повторила себе, что все хорошо, хотя сейчас, полностью проснувшись, понимала, что это не так. Вспомнилась вчерашняя неприятность. С соседкой, миссис Тофам, старой мегерой и воровкой, к тому же...

Это было единственное, что могло омрачить их уик-энд. Они уже предвкушали, как будут кататься на коньках. Острые лезвия режут со звоном лед. Стремительный полет. Длинные борозды на льду от торможения при повороте... Черные вязы на фоне ясного холодного неба. И все испортила миссис Тофам из соседнего коттеджа, с ворованными часами и наигранно хорошими манерами. Забыть все! Долой дурные мысли! Выбросить их из головы!

Дороти Брант взяла себя в руки и встала с постели. Потянулась за халатом и комнатными туфлями. Но халата, как обычно брошенного на стул, не было. Вместо него лежала тяжелая меховая шубка. И была пара мокасин из мягкой кожи, украшенных бисером, которые Гарри привез ей из Штатов. Но сейчас их подошвы были холодные, сырые и жесткие, почти замороженные. Ее охватил подсознательный страх, завладел ею и не отпускал.

Закрыв окно, она побрела в ванную. В маленьком коттедже с белыми хрустящими занавесками и запахом старого дерева было так тихо, что она слышала голоса людей внизу. Просто бормотание, в котором слова не различались. Быстрый тенор Гарри, медленный, низкий голос отца, и еще один, который она не могла распознать: спокойный, неторопливый.

Что там случилось? Она поспешно умылась и оделась. Очевидно, они не только встали, но уже сидели за завтраком, так как Дороти слышала запах сваренного кофе. В своих движениях девушка ощущала какую-то вялость. Несмотря на девять часов сна, она чувствовала себя раздраженной и измотанной, будто не спала всю ночь.

Сделав последний взмах расческой по коричневым подстриженным волосам, проигнорировав пудру и губную помаду, Дороти сбегала по лестнице вниз. Но у двери гостиной резко остановилась. В комнате находились ее отец, кузен Гарри и местный суперинтендант.

— Доброе утро, мисс, — поздоровался суперинтендант.

Она никогда не забудет вид этой маленькой комнатки и выражения лиц тех, кто в ней находился. Солнечный свет лился в гостиную, касаясь аляповатых тканых ковров и камина, сложенного из грубого камня. Через боковые окна она могла видеть заснеженную лужайку. Далее, на расстоя-

нии двадцати ярдов, виднелся обшитый досками коттедж миссис Тофам, отделенный от них высокой лавровой изгородью с воротами,

Тревожным знаком для Дороти было то, что при ее появлении разговор резко оборвался. Присутствующие оглянулись, и по выражениям их лиц, быстрым и бледным, будто схваченным фотокамерой, она поняла, что застала их врасплох.

— Доброе утро, мисс, — повторил, приветствуя, суперинтендант Мейсон.

И тут вмешался Гарри Вентнор. Как в отчаянии. Его естественный яркий румянец стал еще ярче. Даже его большие ноги, массивные плечи и маленькие жилистые руки пришли в возбуждение:

— Не говори ничего, Дороти! — настоятельно посоветовал он. — Не говори ничего! Они не смогут ничего тебе сделать, если ты ничего не скажешь. Подожди пока...

— Я определенно считаю... — медленно начал отец. Он перевел взгляд на свой нос, на трубку, потом еще куда-то, но только не в сторону Дороти. — Я определенно считаю, — продолжил он, прочистив горло, — что было бы лучше не говорить поспешно, пока...

— Как вы пожелаете, сэр, — согласился суперинтендант Мейсон. — А сейчас, мисс, я должен задать вам несколько вопросов. Но мой долг предупредить вас, что вы можете не отвечать на них, пока не увидите со своим адвокатом.

— Адвокатом? Но мне не нужен адвокат. С какой стати я должна хотеть адвоката?

Суперинтендант Мейсон многозначительно посмотрел на отца и Гарри Вентнора, как будто предлагая им отметить это.

— Речь пойдет о миссис Тофам.

— О!

— Почему вы произнесли «О!»?

— Продолжайте, пожалуйста. Что случилось?

— Я так понял, мисс, что вы и миссис Тофам вчера поговорили на повышенных тонах. Похоже, немного поскандалили?

— Да, можно и так выразиться.

— Могу я спросить, по какому поводу?

— Извините, — ответила Дороти. — Этого сказать не могу. Тогда у старой кошки появился бы удобный случай объявить, что я оклеветала ее. Так в чем дело? Что она вам рассказала?

— Видите ли, мисс, — сказал суперинтендант. Он вытащил карандаш и почесал им челюсть. — Боюсь, она пока не в состоянии что-либо рассказать нам. Она находится в лечебнице в Гилфорде. Довольно сильно разбита голова. Только между нами, состояние тяжелое. И неизвестно, придет ли она в себя.

Дороти вдруг перестала чувствовать биение своего сердца, а потом оно заколотилось в ненормальном ритме. Суперинтендант пристально смотрел на нее. Девушка заставила себя произнести:

— Вы имеете в виду, что с ней произошел несчастный случай?

— Не совсем так, мисс. Доктор говорит, что ее ударили три или четыре раза большим стеклянным пресс-папье, которое вы, может быть, видели на столе в ее коттедже. А?

— Не хотите ли вы сказать... не хотите ли вы сказать, что кто-то совершил такое. Преднамеренно? Но кто это сделал?

— Хорошо, мисс, — произнес суперинтендант, глядя на нее все строже и строже, пока его лицо не стало похоже на пуританское. — Вынужден заявить вам, что из всего нам известного, похоже, сделали это вы.

Этого не было! Этого не могло быть! Впоследствии она вспоминала, как отстраненно изучала их всех. Маленькие морщинки вокруг глаз Гарри, проявившиеся в солнечном свете. В спешке приглаженные волосы. Свободная кожаная куртка с наполовину расстегнутой молнией. Тогда ей почему-то пришла в голову мысль, что, несмотря на свою атлетическую удаль, он выглядит невыразительно и немного глупо. Да и ее собственный отец выглядел ненамного лучше.

Она услышала свой голос:

— Но это абсурд!

— Надеюсь, что так, мисс. Искренне надеюсь. А теперь скажите, куда вы выходили из дома прошлой ночью?

— Когда?

— В любое время.

— Да. Нет. Я не знаю. Да, кажется, выходила.

— Ради бога, Дороти, — бросил отец. — Не говори больше ничего, пока сюда не придет адвокат. Я уже позвонил в город. И чтобы заранее не беспокоить, даже не разбудил тебя. Ведь этому есть какое-то объяснение. Должно быть!

Не только она испытывала душевное волнение. Судя по несчастному выражению его лица, отец переживал вместе с ней. Грузный, наполовину лысый, обеспокоенный бизнесом и всем остальным, что есть в этом мире, — вот кто такой Джон Брант. Со страдальческим лицом он стоял в круге солнечного света, прижимая к боку искалеченную левую руку в черной перчатке.

— Я видел ее, — объяснил он. — Не очень приятное зрелище. Да. Правда, я видел и похуже. На войне. — Он притронулся к своей руке. — Но ты маленькая девочка, Дороти. Ты всего лишь маленькая девочка. Ты не могла совершить такое.

Его печальный тон требовал подтверждения.

— Один момент, сэр, — вставил суперинтендант Мейсон. — Итак, мисс! Вы сказали, что выходили из дома прошлой ночью?

— Да.

— В снег?

— Да, да, да!

— Вы помните время?

— Нет. Так мне кажется.

— Скажите, мисс, какого размера туфли вы носите?

— Четвертого.

— Это довольно маленький размер, не так ли?

Когда она молча кивнула, суперинтендант спрятал свою записную книжку.

— Тогда не пройдет ли вы со мной?

Коттедж имел боковую дверь. Не касаясь пальцами ручки, Мейсон повернул шпиндель и открыл ее. Из-за выступа карниза две ступеньки, ведущие вниз, были чистыми. Но далее, между ними и закрытым коттеджем напротив, лежал тонкий слой снега.

Две строчки следов ног отпечатались на этом снегу. Затвердевшие, отчетливо видные. Дороти знала, чьи они. Одна цепочка следов извилисто шла от ступенек, проходила под аркой запорошенной лавровой оградой и заканчивалась перед дверью дома миссис Тофам. Другой рядок тех же самых следов, немного стертых и с более длинными интервалами там, где человек бежал в отчаянии, шел назад от коттеджа до тех же ступенек.

Внезапная паника, охватившая Дороти, пробудила ее память. Значит, это был не сон. Она это сделала. Подсознательно все это она знала. Она

помнила и другие вещи: шуба, надетая поверх пижамы, колкость снега во влажных туфлях, безрассудный бросок в темноту.

— Ваши, мисс? — поинтересовался суперинтендант Мейсон.

— Да. О, да, мои.

— Не спешите, мисс, — пробормотал суперинтендант. — Вы выглядите немного испуганной. Подойдите сюда и присядьте. Я не причиню вам вреда. — Затем тон его голоса возрос до раздражительного. Возможно, строгая простота поведения девушки поколебала его официальную выдержку. — Но почему вы это сделали? Господи, зачем вы это сделали? Неужели вы взломали ее письменный стол только ради того, чтобы достать пригоршню дешевых безделушек, которые не стоят и десяти фунтов за партию? И даже не взяли на себя труд замести за собой следы.

Он закашлялся, оборвав себя. И тут же услышал едкий голос Джона Бранта:

— Хорошо, мой друг. Очень хорошо. Наконец-то первый признак ума. Я полагаю, вы не считаете мою дочь безумной?

— Нет, сэр. Но я слышал, это были безделушки ее матери?

— От кого вы это слышали? Наверное, от тебя, Гарри?

Гарри Вентнор дернул замок молнии вверх, застегивая куртку, как будто к чему-то готовился. Он всегда старался произвести впечатление на тех, кого преследовали, внушая им мысль, что он честный человек. Что он хотел бы дружить со всем миром, если бы ему позволили. При этом такая искренность вспыхивала в мелких чертах лица Гарри, что трудно было сомневаться в его добрых намерениях.

— Ну послушай, папа, старина. Я же должен был рассказать им, не так ли? Ведь нехорошо пытаться скрыть такие вещи, так? Я знаю, потому что читал подобные рассказы.

— Рассказы!

— Разумеется. Говори что хочешь, но они все равно узнали бы. А тогда было бы хуже. — Он остановился, чтобы сказанное проникло в сознание присутствующих, и продолжил: — Скажу тебе, что ты идешь неправильным путем. Предположим, Дороти имела ссору с миссис Тофам по поводу этих драгоценностей. Предположим, она ходила туда прошлой ночью. Предположим, следы принадлежат ей. Но разве все это доказывает, что она стукнула миссис Тофам? Я не хочу сказать, будто государственная служба ничего не делает, но почему это не мог быть грабитель?

Суперинтендант покачал головой.

— Потому что не мог.

— Но почему? Я спрашиваю вас, почему?

— Хорошо, не будет никакого вреда в том, что я вам расскажу, сэр. Если вы будете просто слушать. Возможно, вы помните, что прошлой ночью снег начал идти чуть позже одиннадцати часов.

— Нет, не помню. В это время мы уже все были в постели.

— Ну, можете мне поверить на слово, — терпеливо объяснял Мейсон. — Я половину ночи провел в отделении полиции... Вот так. Снег прекратился около полуночи. И здесь вам также придется поверить мне на слово, но мы легко можем это доказать. Видите ли, сэр, миссис Тофам была жива и находилась в добром здравии до полуночи. Мне это также известно, так как она позвонила и сказала, что проснулась и нервничает. Думает, что у соседней грабители. Поскольку дама проделывает то же самое в среднем три раза в месяц, — пояснил он мрачно, — я не придавал этому значения. И скажу вам, что звонок от нее поступил в 12.10. То есть, примерно через десять минут после того, как снегопад прекратился.

Гарри заколебался. А суперинтендант продолжил с тем же самым терпеливым видом:

— Разве вы не понимаете, сэръ? На миссис Тофам не было произведено нападение до того, как перестал идти снег. Сейчас вокруг ее коттеджа имеется двадцать ярдов свежего, чистого, нетронутого снега в любом направлении. В снегу только одни отметины. Этими единственными в своем роде знаками являются следы от ног мисс Брант. Которая, впрочем, и сама это признала.

Он поднялся в раздражении.

— Как будто кто-то еще мог оставить эти следы. Я абсолютно уверен в том, что никто, кроме нее, их сделать не мог. Даже если бы мисс Брант не призналась в этом сама. Вы, мистер Вентнор, носите обувь десятого размера. У мистера Бранта девятый размер. Прогулка в четыре рядочка. Ах-ах! И все же, кто-то вошел в коттедж при помощи ключа, хорошенько поколотил старушку, ограбил ее и ушел тем же путем. И если нет других следов или отпечатков любого рода в снегу, то кто это сделал? Кто?

Теперь Дороти могла обдумать все почти беспристрастно. Она вспомнила пресс-папье, которым ударили миссис Тофам. Оно лежало на столе в маленькой душевой гостиной миссис Тофам, тяжелый стеклянный шар с пейзажем в середине. Если потрясти стеклянный шар, внутри поднимается снежная вьюга. От этого воспоминания нападение показалось ей еще более ужасным. Интересно, оставила ли она на нем отпечатки пальцев....

И вдруг над всем этим проступило лицо Ренэ Тофам. Ренэ Тофам, близкой подруги ее матери.

— Я ненавидела ее, — выпалила Дороти и неожиданно заплакала.

Денис Джеймсон из адвокатской конторы «Морис, Фарнсворт энд Джеймсон» с треском закрыл свой портфель. Он надевал шляпу и пальто, когда в офис заглянул Билли Фарнсворт.

— Привет, — сказал он. — Ты едешь в Суррей? По поводу дела Брант?

— Да.

— Гм. Верить в чудеса, не так ли?

— Нет.

— Девушка виновна, мой мальчик. Ты должен знать это.

— Наше дело сделать для наших клиентов все что можем, — заявил Джеймсон.

Фарнсворт посмотрел на него проницательно.

— Я вижу это по твоей румяной щечке. Дон Кихот снова ожил. Молодой идеалист бросается на помощь красавице в бедственном положении, поклеившись, что...

— Я виделся с ней всего два раза, — отпарировал Джеймсон. — Да, она мне нравится. Но просто используя немного ума, я не вижу, что у них имеется такое уж громкое дело против нее.

— О, мой мальчик.

— Ну послушайте. Какие есть доказательства, что преступление совершила девушка? Миссис Тофам ударили тяжелым стеклянным пресс-папье. Отпечатков пальцев на нем нет. Это может означать, что их стерли. Но предусмотрительно и тщательно уничтожив отпечатки пальцев с пресс-папье, Дороти Брант затем идет назад к своему коттеджу и оставляет за собой два ряда следов, которые можно увидеть, даже поднявшись в воздух на милю. Разве это разумно?

Фарнсворт задумался.

— Они могут сказать, что Дороти не очень умна, — указал он. — Не увлекайся психологией. А вот что тебе надо сделать, так это обойти физи-

ческие факты. Вот таинственная вдова Тофам одна дома. Единственная служанка работает только днем. Вот следы ног некой персоны. Следы могли быть сделаны только этой девушкой. И фактически, она признается в этом. Физически невозможно, чтобы кто-то еще вошел в дом и вышел из него. Как ты предполагаешь объяснить это?

— Не знаю, — произнес Джеймсон безнадежно. — Но в первую очередь я хочу услышать объяснение от нее. Ведь никто, кажется, не слышал, или даже не полюбопытствовал, что же она сама об этом думает.

Однако, когда позже, в тот же день, он встретился с Дороти в коттедже, она выбила у него почву из-под ног.

Уже опустились сумерки, когда он свернул в ворота. Голубоватые сумерки, в которых снег кажется серым. Джеймсон остановился на мгновение в воротах и осмотрел тонкую лавровую изгородь, разделяющую два владения — мистера Бранта и миссис Тофам. Ничего примечательного не было в этой изгороди высотой в шесть футов с прорезанными сквозь не воротами в виде готической арки. Но прямо перед аркой, вглядываясь в снежный покров у изгороди, стояла большая фигура в кепи и непромокаемом плаще. Она ему показалась знакомой. Рядом другой человек, очевидно, местный суперинтендант полиции, держал камеру. И вдруг на фоне неба ярко сверкнула фотовспышка. Хотя Джеймсон был слишком далеко, но ему показалось, что большой человек громко смеется.

Гарри Вентнор, которого он немного знал, встретил его у дверей.

— Она там, — объяснил Гарри, кивнув в сторону первой комнаты. — Вы уж не расстраивайте ее, ладно? Эй, что, черт возьми, они делают с изгородью?

Он уставился на лужайку.

— Расстраивать ее? — с некоторой резкостью уточнил Джеймсон. — Я здесь для того, чтобы помочь ей насколько возможно. Не могли бы вы или мистер Брант оказать мне некоторую помощь? Вы искренне верите, будто мисс Брант в здравом уме могла совершить то, что, как говорят, она сделала?

— В здравом уме? — повторил Гарри и, кинув на Джеймсона любопытный взгляд, больше ничего не сказал. Он резко развернулся и поспешил через лужайку.

Однако Дороти, когда он встретился с ней, производила впечатление, что находится в здравом рассудке. Это была прямота, которая ему всегда нравилась. Прямота, которая воодушевляла его сейчас. Они сидели в уютной, полутемной комнатке, у камина, на котором размещались серебряные кубки, которые обозначали атлетическое и гимнастическое мастерство Гарри Вентнора и трофеи Джона Бранта ранних дней в Сент-Морице. Сама Дороти была обычной девушкой.

— Чтобы посоветовать мне? — удивилась Дороти. — Вы имеете в виду посоветовать, что говорить, когда меня арестуют?

— Ну, пока еще вас не арестовали, мисс Брант.

Она улыбнулась ему.

— Держу пари, что это «пока еще» удивляет вас, не так ли? Я понимаю, как глубоко я увязла! Думаю, они сейчас занимаются только тем, чтобы добыть как можно больше улик. И к тому же здесь находится новый человек, по имени Марч, из Скотленд-Ярда. Я чувствую себя почти польщенной.

Джеймсон вскрикнул от удивления. Теперь он понял, почему та огромная фигура у изгороди показалась ему знакомой.

— Не полковник ли Марч?

— Да. Довольно приятный человек, как мне показалось, — ответила Дороти, прикрыв глаза рукой. За ее легким тоном он ощутил, как обнажены нервы Дороти. — Затем они снова перерыли мою комнату. Никак не могут найти часы, брошь и кольца. Наверное, те самые, что были украдены у тети Ренэ Тофам. Тети Ренэ!

— Да, я слышал. Но вот в чем вопрос: что им от этого? Часы, брошь и пару колец! Зачем вам нужно было красть их у кого-либо, не говоря уже о ней?

— Потому что они не ее, — сказала девушка. Она вдруг подняла бледное лицо и начала говорить быстро: — Они принадлежали моей матери.

— Уже лучше.

— Моя мать умерла, — начала свой рассказ Дороти. — И для меня они были не просто часы и кольца. Я не оправдываюсь, но именно эти вещи стали причиной нашей ссоры. Моя мать была хорошей подружкой миссис Тофам. О! «Тетя Ренэ» была примером во всем. Пока мать была жива, она носилась с ней. Но в то же время мама хотела, чтобы эти украшения остались у меня. А тетя Ренэ хладнокровно присвоила их. Как присвоила все остальное. Все, что смогла. Я до вчерашнего дня не знала, что с ними случилось. Вам, наверное, известны такого рода женщины? Миссис Тофам действительно обаятельная, аристократичная и очаровательная, с холодным шармом, которая берет все, что может получить и рассчитывает продолжать получать. Я точно знаю, что у нее много денег, хотя не представляю, что она с ними делает. И настоящая причина, почему она похоронила себя в сельской местности, состоит в том, что миссис Тофам имеет слишком большие средства, чтобы рисковать, тратя их в городе. Я ее терпеть никогда не могла. Когда умерла мама, тетя Ренэ решила, что я буду угождать ей. Но я и не собиралась этого делать. Тогда она изменилась. Как она любит говорить о нас! О долгах Гарри, о шатком бизнесе моего отца. И обо мне.

Она остановилась, улыбнувшись молодому человеку.

— Извините, что я причиняю вам вред всем этим.

— Вы не причиняет мне никакого вреда.

— Но все это довольно смехотворно, не так ли?

— Смехотворно?! — воскликнул Джеймсон. — Это не то слово, которое применимо в данном случае. Итак, у вас произошла с ней ссора?

— О, великолепная ссора! Прекрасная ссора! Скандал из скандалов!

— Когда?

— Вчера. Когда я увидела, что она надевает часы моей матери.

Она перевела взгляд на камин, над которым мерцали серебряные кубки.

— Может быть, я сказала больше, чем должна была, — вздохнула Дороти. — Но я не имею никакой поддержки ни от отца, ни от Гарри. Я не обвиняю отца, он так озабочен бизнесом. И больная рука иногда очень сильно его беспокоит. Так что все, что он хочет, — это мира и спокойствия. Что касается Гарри, то в действительности она ему не нравится. Но зато она увлеклась им, и это льстит его самолюбию. Он своего рода мужской аналог тети Ренэ. Без работы? Ну, значит, зависит от кого-то. А я посередине всего этого. «Дороти сделай это», «Дороти сделай то» и «А, старушка Дороти, она не против». Но я — против. И когда увидела на этой женщине мамины часы, я решила, что с этим надо кончать. Масла в огонь подлило ее сочувствие, что мы не в состоянии позволить себе иметь прислугу. Вот так, должно быть, я и покончила с этим.

Джеймсон наклонился и взял ее за руки.

— Ну, хорошо, — проговорил он. — Это сделали вы?

— Не знаю. Не могу вспомнить.

— Но наверняка...

— Нет. Но есть еще одно обстоятельство, над которым миссис Тофам всегда подшучивала. Когда гуляешь во сне, ничего не помнишь... — Забавно, не так ли? — продолжала девушка, после некоторой паузы. — Чрезвычайно смешно. Но не для меня! Ничуть. Это случилось, когда я была еще ребенком и оказалась на грани физического и нервного истощения. Однажды во сне я спустилась в гостиную, развела огонь в камине и накрыла стол для еды. Допускаю, что такое со мной случается. Но не часто. И никогда с такими результатами, как этот. — Она попыталась засмеяться. — Но почему, как вы думаете, мой отец и Гарри считают, что так и было? Это хуже всего. Я — кто? Почти убийца или нет?

Все складывалось плохо.

Джеймсон признался в этом сам себе, хотя и вопреки рассудку. Он встал и походил по комнате. А ее карие глаза, не отрываясь, следили за ним. И молодой человек тоже не мог отвести от нее взгляда, видел напряжение в каждой черточке ее лица.

— Послушайте, — тихо произнес он. — Здесь какая-то бессмыслица.

— О, пожалуйста, не говорите так. Это не очень оригинально.

— Неужели вы всерьез считаете, что ходили к этой женщине, но сейчас ничего о том не помните?

— Неужели это было бы труднее, чем разжечь камин?

— Я не о том вас спрашиваю. Вы считаете, что сделали это?

— Нет, — ответила Дороти.

Вопрос был решен. Теперь она доверяла ему. Появились понимание и симпатия между ними, та сила и связь, которая чувствуется так же ощутимо, как тело отдает тепло.

— Глубоко внутри себя я не верю этому. Я думаю, что должна была проснуться. В этом нет ничего хорошего, но вы же знаете, что крови на мне нет. Однако как вы собираетесь обойти факты?

(Факты. Всегда факты.)

— Я действительно ходила туда. Не могу отрицать, что помню, как полусонная, шла обратно. И как стояла в снегу на лужайке. На мне была меховая шубка поверх пижамы. Помню, что ощущала снег на лице и мокрые туфли на ногах. И я дрожала. Помню, как бежала назад. Это все. Но если я не делала это, значит, кто-то еще мог совершить такое?

И тут вмешался новый голос:

— Прошу извинить меня. Вы не возражаете, если я в прямом и переносном смысле включу свет?

Денис Джеймсон знал обладателя этого голоса. Послышался шорох. Кто-то шарил в поисках выключателя. Потом загорелся электрический свет, и появился сияющий и наслаждающийся теплом полковник Марч. Сто семь килограммов полковника Марча были закутаны в непромокаемый плащ, обширный, как палатка. На голове — большое твидовое кепи. Под ним покрасневшее от холода веснушчатое лицо. С бульканьем и удовольствием он курил объемистую трубку, которая грозила подпалить его песочного цвета усы.

— А, Джеймсон! — проронил полковник. Он вынул трубку изо рта и ткнул ею в сторону адвоката. — Значит, это были вы. Так я и подумал, увидев, как вы входили. Я не хочу вмешиваться в ваш разговор, но есть, по крайней мере, две вещи, которые мисс Брант должна знать.

Дороти резко повернулась.

— Во-первых, — продолжил Марч, — что миссис Тофам вне опасности. Во всяком случае, она в состоянии сказать несколько слов. Хотя и не очень связно. Во-вторых, на вашей лужайке находится один из самых

необычных объектов, который я когда-либо видел в своей жизни.

Джеймсон присвистнул.

— Вы встречались с этим человеком? — обратился он к Дороти. — Он — глава Департамента странных жалоб. Их зовут на помощь, когда сталкиваются с чем-то диковинным, что может быть мистификацией или шуткой, но, с другой стороны, может быть и серьезным преступлением. У него настолько ясный ум, что он каждый раз попадает в цель. Мне определенно известно, что он проводил расследования исчезнувшей комнаты, гуляющего трупа и невидимых частиц мебели. Если он заходит так далеко, что признает эту вещь необычной, вам нужно быть начеку.

Полковник Марч кивнул с серьезным видом.

— Да, — подтвердил он. — Вот почему я здесь, как видите. Они думают, что мы заинтересуемся этим следом ноги.

— Этим следом ноги? — воскликнула Дороти. — Вы имеете в виду...

— Нет, нет. Не вашим, мисс Брант. Другим. Позвольте мне объяснить. Я хочу, чтобы вы оба выглянули в окно. Я хочу, чтобы вы взглянули на лавровую изгородь между этим коттеджем и тем. Дневной свет почти уже ушел, но видеть можно.

Джеймсон подошел к окну и выглянул.

— Ну, — протянул он. — Что тут такого? Это изгородь.

— Как вы проникательно отметили, это изгородь. А теперь позвольте мне задать вам вопрос. Как вы думаете, человек может пройти по верху такой изгороди?

— Боже мой, нет.

— Нет? Но почему?

— Я не понимаю шутки, — возразил Джеймсон. — Но я постараюсь ответить правильно. Поскольку изгородь всего лишь одного-двух дюймов толщины, она не выдержит и кошки. Если вы попытаетесь удержаться, то вам нужно двигаться очень быстро.

— Совершенно верно. Тогда что бы вы ответили, если бы я сказал, что некто весом, по крайней мере, в семьдесят пять килограммов взобрался на нее?

Никто ему не ответил. Это было настолько безрассудно, что сказать было нечего. Джеймсон и Дороти посмотрели друг на друга.

— И вот почему, — гнул свою линию полковник Марч, — могло показаться, что некто все-таки забрался туда. Посмотрите на изгородь снова. Видите арку, которая прорезана в ней для ворот? Как раз там, наверху, посреди нее, имеется след ноги. Это большой след. Я думаю, его можно будет идентифицировать по пятке, хотя большая часть его смазана и отрывочна.

В комнату, тяжело ступая, быстро вошел отец Дороти. Он попытался что-то сказать, но полковник Марч сделал ему знак остановиться. Брант прошел к дочери и взял ее за руку.

— Значит, — настаивал Джеймсон, — кто-то взобрался на изгородь?

— В этом я сомневаюсь, — отозвался полковник Марч. — Как он смог?

Джеймсон взял себя в руки.

— Послушайте сэръ, — заговорил он уже спокойным тоном. — «Как он смог?» — это правильно. Но я бы никогда не поверил, что вы сказали нечто подобное, не имея серьезной причины. Я знаю, что это имеет какое-то отношение к делу. Но меня не волнует, забирался кто-то на эту изгородь или нет. Мне все равно, исполнял он на ней танец или нет. Изгородь никуда не ведет. Она не ведет к миссис Тофам, а лишь делит два владения. Вопрос в том, как кому-то удалось добраться отсюда до другого коттеджа через

шестьдесят футов нетронутого снега, не оставив на нем следов? Я спрашиваю это потому, что уверен, вы не считаете мисс Брант виновной.

Полковник Марч выглядел извиняющимся.

— Я знаю, что она невиновна, — ответил он.

В уме Дороти снова возникло видение тяжелого шарообразного пресс-папье, внутри которого, если потрясти, поднимается миниатюрная снежная вьюга. Она почувствовала, что ее собственный разум потрясен и в то же время затемнен.

— Я знал, Дороти, что ты не делала этого, — сказал Джон Брант, неожиданно положив руку на плечо дочери. — Я знал это. Я так им и сказал. Но...

Полковник Марч заставил его замолчать.

— Настоящему вору, мисс Брант, не нужны были ни часы вашей матери, ни брошь, ни цепочки, ни кольца. Вам интересно будет узнать, чего он хотел. Он хотел около пятнадцати тысяч фунтов в банкнотах и золотых соверенах, спрятанных в том самом потрепанном столе. Вы, кажется, удивлялись, что миссис Тофам делала со своими деньгами. Так вот что она делала с ними. По первым словам, которые она выдавила из себя в полубессознательном состоянии, можно было судить, что миссис Тофам была просто обыкновенной или провинциальной разновидностью скряги. Этот унылый стол в ее гостиной стал бы последним местом для любого грабителя, который ищет тайник. Для любого, за исключением одного.

— За исключением одного? — повторил мистер Брант, и его взгляд, казалось, обратился внутрь себя.

Внезапное неприятное подозрение охватило Джеймсона.

— За исключением одного, кто знал. Вину сознательно возложили на вас, мисс Брант. И в этом не было никакого злого умысла. Это был просто легчайший способ избежать страдания и неприятности для джентльмена, который это сделал.

— А теперь послушайте, что вы сделали, — лицо полковника Марча потемнело. — Вы действительно выходили на снег прошлой ночью. Но вы не ходили к миссис Тофам. И не оставляли этих артистичных рядков следов в снегу. Когда вы рассказываете собственную историю о том, что чувствовали, как снег жжет ваше лицо и ноги, не требуется никаких больших способностей, чтобы понять — в это время снег все еще шел. Вы шли по нему, как и многие лунатики. Вы были шокированы снегом и холодным воздухом и вернулись задолго до конца снегопада, который укрыл ваши реальные следы.

Настоящий вор, который в это время бодрствовал, слышал, как вы вернулись и упали на кровать. Он понял, что небеса послали ему возможность обвинить вас в преступлении, которое вы, может быть, даже подумывали совершить. Он тихо проскользнул в вашу комнату и взял комнатные туфли. А когда снег прекратился, он пошел к миссис Тофам. У него не было намерения нападать на нее. Но она проснулась и удивилась, увидев его. И тогда, конечно, Гарри Вентнор ударил ее.

— Гарри...

Дороти почти выкрикнула это имя и тут же осеклась. Она резко повернулась к отцу, пристально посмотрела на него и разразилась смехом.

— Разумеется, — согласился полковник Марч. — Как обычно, он позволил (что такого?) своей «старушке Дороти» взять вину на себя.

Тень задумчивости, казалось, покинула Джона Бранта, остался его суетливый и озабоченный вид. Он посмотрел на полковника Марча.

— Сэр, — проронил он. — Я бы отдал свою здоровую руку, чтобы доказать то, что вы говорите. Этот мальчик причинил мне половину моих бед. Но это же бред сумасшедшего?

— Нет.

— Скажу вам, что он не мог этого сделать! Он сын Эмилии, сын моей сестры. Он, может быть, и плохой человек, но не злой волшебник.

— Вы забываете, — возразил полковник Марч, — о некоем большом следе десятого размера. Вы забываете об этом интересном знаке, смазанном и полустертом следе десятого размера на верху изгороди, которая не могла выдержать и кошки. Примечательный след. Бесплотный след.

— Но в этом-то и все дело! — вскричал Брант. — Два ряда в снегу были сделаны туфлями четвертого размера. Гарри не мог их сделать, тем более я. Это физически невозможно. Гарри носит десятый размер. Вы не скажете, как он смог втиснуть свои ноги в кожаные мокасины, которые подходят только моей дочери?

— Ноги не смог, — ответил полковник Марч, — но смог втиснуть в них свои руки.

Наступило молчание. Вид у полицейского был мечтательный, почти довольный.

— И вот в этих необычных и чрезвычайно практичных парах перчаток, — продолжал он. — Гарри Вентнор просто прошел к другому коттеджу на руках. И не более того. Для тренированного гимнаста (на что указывают его серебряные кубки) это было несложно. А для быстро соображающего джентльмена — идеально. Он двигался по тонкому слою снега, на котором разница в весе не видна. Ступеньки крыльца, чистые от снега из-за нависающей кровли, защищали его, когда он стоял на ногах. У него были все возможности добыть ключ от боковой двери. К несчастью для него, арочный проход в изгороди слишком низкий. Держась на руках, он вынужден был согнуть и разогнуть ноги, проходя через арку. Но, балансируя, допустил промах, и тогда появился этот смазанный бесплотный след на внутренней стороне арки. Если быть совершенно откровенным, я восхищен этим планом. Это было преступление, совершенное вверх ногами. Оно оставило след в небе. Оно...

— Пойман на месте преступления, сэр, — заключил суперинтендант Мейсон, втиснув голову в дверь. — Его взяли на другой стороне Гилфорда. Он, должно быть, почувствовал неладное, когда увидел, как мы делаем фотографии. И при нем нашли деньги.

Некоторое время удивленная Дороти стояла и смотрела на огромного, неопрятного человека, который хохотал от удовольствия. А потом и сама присоединилась к нему.

— Я верю, — вежливо заметил Денис Джеймсон, — что у кого-то хорошее настроение. Что же касается меня, я получил сегодня пару неприятных ударов. И в какой-то момент испугался, что получу еще один. Честно говоря, был такой момент, когда я подумал, что вы собираетесь остановиться на мистере Бранте.

— И я также, — вставила Дороти, ласково улыбаясь отцу. — Вот почему сейчас так весело.

Джон Брант выглядел удивленным. Но и наполовину не таким, как полковник Марч.

— Ну, ну! Полно! — взмолился полковник. — Честно говоря, я не понимаю вас. Я представляю Департамент странных жалоб. Если у вас призрак на чердаке или след на изгороди, позвоните мне. Но я добился определенного успеха потому, как сказал мистер Джеймсон, что вижу очевидное. Однако, Боже милостивый! Но уж если вы решили, что преступление совершено джентльменом, который мог пройти на руках, то я и под пыткой не согласился бы, что вы добьетесь успеха, подозревая единственного человека в этом доме, который имел искалеченную руку.

Перевод с английского Валерия ЧУДОВА.